

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)
Д96

Дюма, Александр.
Д96 Три мушкетёра / Александр Дюма ; [перевод с французского А. И. Попова] ; иллюстрации Мориса Лелуара. — Москва : Эксмо, 2024. — 928 с. : ил. — (Книга в подарок).

ISBN 978-5-04-169656-6

Молодой и небогатый дворянин д'Артаньян отправляется в Париж, чтобы поступить на королевскую службу и стать мушкетёром. И сразу оказывается втянут в дворцовые интриги между кардиналом Ришелье и королевой Анной Австрийской. Вместе с новыми друзьями Атосом, Портосом и Арамисом мушкетёру предстоит столкнуться со множеством опасных ловушек, расставленных кардиналом и его многочисленными шпионами, а также узнать цену любви и предательству.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)

ISBN 978-5-04-169656-6

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА,

где устанавливается, что в героях повести, которую мы будем иметь честь рассказать нашим читателям, нет ничего мифологического, хотя имена их и оканчиваются на «ос» и «ис».

год назад, занимаясь в Королевской библиотеке разысканиями для моей «Истории Людовика XIV», я случайно попал на «Записки г-на д'Артаньяна», напечатанные в Амстердаме, у Пьера Ружо, как большая часть сочинений этой эпохи, авторы которых хотели говорить правду без более или менее короткого знакомства с Бастилией. Заглавие соблазнило меня; я унёс книгу домой — разумеется, с дозволения главного библиотекаря — и прочёл её с жадностью.

Я не имею намерения подробно разбирать это любопытное сочинение, а только обращаю на него внимание тех из моих читателей, которые умеют ценить картины прошлого. Они найдут здесь портреты, набросанные рукою мастера, и хотя эти зарисовки украшают по большей части ворота казарм и стены кабаков, читатели всё же узнают в них образы Людовика XIII, Анны Австрийской, Ришелье, Мазарини и других придворных того времени, изображённых так же верно, как и в истории г-на Анкетилья¹.

Но, как известно, своевольный ум писателя иной раз поражает то, что оставляет равнодушным обычного читателя. Мы вполне оценили — как и многие, без сомнения, оценят — указанные стороны этой книги; но особенно нас заняло нечто такое, на что никто до нас, наверное, не обратил внимания.

Д'Артаньян рассказывает, что, явившись впервые к капитану королевских мушкетёров де Тревилю, он встретил в его приёмной трёх молодых людей, служивших в том же знаменитом полку, куда и сам он мечтал быть зачисленным, и что звали их Атосом, Портосом и Арамисом.

Надо признать, странные имена поразили нас; тотчас пришло нам на ум, что это псевдонимы, под которыми д'Артаньян скрыл имена, может быть, знаменитые, если только не сами носители этих вымышленных прозвищ выбрали их себе в тот день, когда по прихоти, с досады или по бедности надели простой мушкетёрский плащ.

С тех пор мы не знали покоя, стараясь найти в сочинениях того времени хоть какой-нибудь след этих необыкновенных имен, так сильно возбудивших наше любопытство.

Одно только перечисление книг, прочитанных нами с этой целью, составило бы целую главу, быть может весьма поучительную, но едва ли очень занимательную для наших читателей. Скажем только, что в ту минуту, когда, утомясь бесплодными

¹ Аббат Луи-Пьер Анкетиль (1723–1806) — автор четырнадцатитомной «Истории Франции».

разысканиями, мы уже решили бросить их, мы нашли наконец, руководствуясь советами нашего знаменитого и учёного друга Поле-на Пари, рукопись in folio, под № 4772 или 4773 — не помним точно, — озаглавленную:

«Воспоминания графа де Ла Фер о некоторых событиях, происшедших во Франции в конце царствования короля Людовика XIII и в начале царствования короля Людовика XIV».

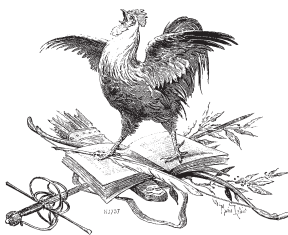
Можно вообразить, сколь велика была наша радость, когда, перелистывая эту рукопись, последнюю нашу надежду, мы встретили на двадцатой странице имя Атоса, на двадцать седьмой — имя Портоса, а на тридцать первой — имя Арамиса.

Открытие совершенно неизвестной рукописи в такую эпоху, когда историческая наука достигла столь высокой степени развития, показалось нам едва ли не чудом. Поэтому мы поспешили испросить дозволения напечатать её, дабы явиться когда-нибудь с чужим багажом в Академию Надписей и Изящной Словесности, если нам не удастся — что весьма вероятно — быть принятыми

во Французскую Академию со своим собственным. Просимое дозволение, надо сказать, было нам весьма любезно дано, о чём мы здесь и объявляем, дабы публично обличить тех недоброжелателей, которые утверждают, будто мы живём при правительстве, не очень-то расположенном к литераторам.

Ныне мы представляем нашим читателям только первую часть этой драгоценной рукописи, дав подобающее заглавие, и обязуемся немедленно издать и вторую, если первая — в чём мы не сомневаемся — будет иметь тот успех, которого она достойна.

А пока, так как восприемник — второй отец, приглашаем читателя отнести на наш, а не графа де Ла Фер счёт своё удовольствие или скуку. Теперь же переходим к нашей повести.

Глава I

Три дара господина д'Артаньяна-отца

В первый понедельник апреля месяца 1625 года местечко Мён, в котором родился автор «Романа Розы»¹, было охвачено таким смятением, как будто гугеноты собрались превратить его во вторую Ла-Рошель². Некоторые из жителей при виде женщин, бегущих по направлению к главной улице, и детей, орущих у порогов своих домов, торопливо надевали доспехи и, вооружившись для большей верности кто мушкетом, кто бердышом, спешили к трактиру «Вольного мельника», перед которым волновалась шумная толпа любопытных, возрастающая с каждой минутой.

В те времена подобный переполох был делом обыкновенным, и редкий день проходил без того, чтобы тот или другой город не вносил в свою летопись подобного события. То враждовали между

¹ Жан Клопинель (Жан де Мён) (XIII в.) — автор второй части знаменитой поэмы, начатой Гийомом де Лоррисом.

² Ла-Рошель — порт на берегу Атлантического океана, оплот гугенотов, взятый после упорной осады кардиналом Ришелье в 1628 г.

собою знатные господа; то король воевал с кардиналом; то испанцы воевали с королём. Помимо этих войн, неизвестных или известных, скрытых или явных, были ещё воры, нищие, гугеноты, бродяги и слуги, воевавшие с целым светом. Горожане вооружались против воров, бродяг и слуг; часто против знатных вельмож и гугенотов; иногда против короля; но против кардинала и испанцев — никогда. Подобная привычка привела к тому, что в вышеназванный первый понедельник апреля месяца 1625 года горожане, услышав шум и не видя ни жёлтых с красным значков, ни ливрей слуг герцога Ришелье, бросились к трактиру «Вольный мельник».

Там только каждый и мог уяснить причину суматохи.

Молодой человек... Опишем вкратце его портрет: вообразите себе Дон-Кихота в восемнадцать лет, Дон-Кихота без лат и набедренников; Дон-Кихота, одетого в шерстяной камзол, синий цвет которого превратился в неопределённый оттенок зеленоватого с тускло-голубым. Лицо продолговатое и смуглое, высокие скулы — признак хитрости, мускулы челюстей чрезвычайно развитые — признак, по коему безошибочно узнают гасконца¹, даже если он без берета, а на нашем герое был берет с каким-то пером, глаза большие, взгляд умный, нос с горбинкой, но тонкий и красивый, рост слишком высокий для юноши и недостаточно высокий для взрослого мужчины; неопытный глаз принял бы его за путешествующего сына какого-нибудь зажиточного крестьянина, если бы не длинная шпага на кожаной перевязи, которая была по икрам владельца, когда он ходил пешком, и по взъерошенной шерсти его лошади, когда он ехал верхом.

Ибо у нашего юноши был конь, и конь этот был столь замечателен, что его не преминули заметить: это был беарнский² конёк, лет двенадцати, а может, и четырнадцати, буланой масти, с облезлым

¹ Гасконь — область на юге Франции.

² Беарн — область на юге Франции у подножия Пиренеев.

хвостом и подсединами на ногах. Мерин этот, хоть и трусил, опустив низко морду, что избавляло его хозяина от применения мартингала¹, пробегал, однако, свободно по восемь лье в день. К сожалению, достоинства этой лошади были настолько заслонены её странною мастью и нескладным видом, что в те времена, когда каждый был знатоком в лошадях, появление вышеуказанного мерина в Мёне, куда он вступил за четверть часа перед тем через Божансийские ворота, произвело впечатление, невыгодно отразившееся на самом всаднике.

¹ Мартингал — ремень, мешающий лошади закидывать голову.

Это впечатление было тем тягостнее для молодого д'Артаньяна — так звали Дон-Кихота, восседавшего на этом новом Россинанте, — что он не мог не сознавать, сколь смешным должен был казаться на подобной лошади даже такой отличный всадник, как он сам; недаром он тяжело вздыхал, принимая её в дар от д'Артаньяна-отца. Он хоть и знал, что скотина эта стоит в лучшем случае ливров двадцать, но нельзя не признать, что слова, коими сопровождался этот подарок, были бесценны.

— Сын мой, — сказал гасконский дворянин на чистом беарнском наречии, от которого Генрих IV¹ так и не смог отвыкнуть, — сын мой, этот конь родился в доме вашего отца тринадцать лет тому назад и с тех пор не покидал его. Это должно побудить вас любить его. Не продавайте его никогда, пусть он спокойно и честно умрёт от старости; и если вы будете с ним в походе, то берегите его, как берегли бы старого слугу. При дворе, — продолжал д'Артаньян-отец, — если вы будете иметь честь явиться к нему, честь, на которую, впрочем, старое дворянство наше даёт вам право, — поддержите достойным образом ваше дворянское имя, которое предки ваши носили с честью более пятисот лет, ради себя и ради своих близких. Близкими я называю ваших родственников и друзей. Не уступайте никому ни в чём, кроме короля и кардинала. Мужеством и только мужеством дворянин может ныне проложить себе дорогу. Кто дрогнет хоть на секунду, может быть, именно в эту секунду упустит шанс, который предоставила ему судьба. Вы молоды, вы должны быть храбры по двум причинам: во-первых, потому, что вы гасконец, а во-вторых, потому, что вы мой сын. Не бойтесь опасностей и ищите приключений. Я научил вас владеть шпагой; у вас железные ноги и стальная рука; сражайтесь, деритесь на дуэли при всяком удобном случае, тем более что поединки теперь запрещены, а поэтому для них нужно вдвое более мужества. Я могу вам дать,

¹ Генрих IV Бурбон (1553–1610) — французский король (1589–1610).

сын мой, только пятнадцать экю, мою лошадь и советы, которые вы уже выслушали. Ваша матушка присоединит к этому полученный ею от цыганки рецепт некоего бальзама, чудодейственно исцеляющего всякие раны, кроме сердечных. Употребите всё это себе на пользу, будьте счастливы и живите долго. Я прибавлю только одно слово: предлагаю вам пример, не мой, потому что сам я никогда не являлся ко двору и только волонтёром служил в войну за веру; я говорю о господине де Тревиле, который когда-то был моим соседом. Он ещё ребенком имел честь играть с нашим маленьким королём Людовиком XIII¹, да продлит Господь дни его. Иногда игры их доходили до драки, причём король не всегда оставался победителем; тумачи, которые он получил от господина де Тревиля, внушили королю уважение и расположение к де Тревилю. Впоследствии господин де Тревиль, во время первой своей поездки в Париж, дрался на дуэли пять раз, со времени смерти покойного короля до совершеннолетия молодого — семь раз, не считая войн и осад; а от этого совершеннолетия и поныне, — может быть, сто раз! И несмотря на все указы, постановления, предписания и аресты, ныне он капитан мушкетёров², то есть легиона героев, которым весьма гордится король и которого побаивается сам кардинал, а он, как всем известно, мало чего побаивается. Кроме того, господин де Тревиль получает десять тысяч экю в год, следовательно, он большой вельможа. Он начал как вы, ступайте к нему с этим письмом и действуйте как он, чтобы преуспеть подобно ему.

Затем д'Артаньян-отец опоясал сына собственной своею шпагою, нежно поцеловал его в обе щеки и благословил.

Выходя из комнаты отца, юноша увидел свою мать, поджидавшую его со знаменитым рецептом, которому, судя по приведённым нами выше советам, предстояло частое употребление. Прощание

¹ Людовик XIII (1601–1643) — французский король (1610–1643).

² Мушкетёры — один из наиболее привилегированных отрядов французской гвардии.

с матерью длилось дольше и было нежнее, нежели с отцом, не потому, что господин д'Артаньян не любил своего сына, единственного своего детища, но он был мужчина и счёл бы недостойным мужчины предаться своему чувству, а госпожа д'Артаньян была женщина и к кому же мать. Она много плакала, и скажем, к хвалу д'Артаньяна-сына, сколь он ни силился казаться мужественным, как приличествует будущему мушкетёру, но природа взяла своё: он заплакал и тщетно пытался скрыть свои слёзы.

В тот же день юноша отправился в путь, снабжённый тремя отцовскими дарами, состоявшими, как сказано выше, из пятнадцати экю, коня и письма к господину де Тревилю. Советы, само собой разумеется, в счёт не шли.

С таким напутствием юный д'Артаньян оказался нравственно и физически точной копией героя Сервантеса, с которым мы его столь счастливо сравнили, когда обязанность наша, как историка, заставила начертать его портрет. Дон-Кихот принимал ветряные мельницы за исполинов, а стада овец — за войска; д'Артаньян принимал всякую улыбку за оскорбление и всякий взгляд за вызов. А потому от Тарба до Мёна он ехал со сжатым кулаком и ежедневно раз по десять хватался за эфес своей шпаги. Впрочем, кулак его не разбил ни одной челюсти, а шпага не выходила из ножен. Правда, вид незадачливого мерина не раз вызывал на лица встречающих прохожих улыбку; но так как над конём звенела увесистая шпага, а над шпагою блистала пара глаз, скорее гневных, нежели гордых, то прохожие удерживали свои насмешки или, когда желание рассмеяться превозмогало осторожность, старались, по крайней мере, улыбаться одной стороной лица, как древние маски.

Итак, д'Артаньян оставался величественным и дерзким в своей гордости вплоть до злополучного города Мёна.

Но там, сходя с лошади у ворот «Вольного мельника» без всякого содействия хозяина, слуги или конюха, д'Артаньян заметил у полуоткрытого окна нижнего этажа дворянина высокого роста

и значительной наружности, с лицом несколько надменным, разговаривавшего с двумя своими спутниками, которые, как могло показаться, почтительно слушали его.

Д'Артаньян, по своей привычке, тут же предположил, что они разговаривают о нём, и стал прислушиваться. На этот раз он ошибся только наполовину: речь шла не о нём, а о его лошади. Знатный господин, по-видимому, перечислял слушателям её достоинства, а так как они, как было уже сказано, по-видимому, относились к говорившему весьма почтительно, то поминутно надрывались со смеху. А так как одной полуулыбки хватило бы, чтобы задеть самолюбие нашего юноши, то нетрудно вообразить, какое впечатление произвело на него это оживлённое обсуждение.

Д'Артаньян хотел сначала получше рассмотреть физиономию наглеца, который над ним издевался. Он вперил свой гордый взор в незнакомца и увидел человека лет сорока или сорока пяти с чёрными пронизательными глазами, бледного, с крупным носом и чёрными, тщательно подстриженными усами. На нём был камзол и штаны фиолетового цвета со шнурками того же цвета, безо всяких других украшений, кроме обыкновенных прорезов, сквозь которые видна была рубашка. Камзол и штаны, хоть и новые, казались помятыми, как бывает с вещами, долго лежавшими в дорожном сундуке. Д'Артаньян подметил все эти подробности с быстротою самого острого наблюдателя, а возможно, в силу невольной возникшего смущения, подсказавшего юноше, что этому незнакомцу предстоит сыграть заметную роль в его жизни.

Но так как в ту минуту, когда д'Артаньян впился глазами в дворянина в фиолетовом камзоле, этот господин произносил о беарнском коньке одно из самых глубокомысленных и изощрённых своих суждений, то оба слушателя его разразились смехом, а на его лице мелькнуло некое подобие улыбки. На этот раз невозможно было усомниться: д'Артаньян действительно подвергся оскорблению. Убеждённый в этом, он надвинул берет на глаза и, стараясь подражать придворным манерам, подсмотренным им в Гаскони у знатных путешественников, выступил вперед, опёршись одною рукою на эфес шпаги и подбоченясь другой. К несчастью, по мере